

АЛЕКСЕЙ ТЕТЕРИН

СЛОВО ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ

Алексей Тетерин

Слово завтрашнего дня

<https://litres.ru/74210399>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сначала это просто смешное совпадение: восьмилетняя Лика придумывает слово, означающее помощь, от которой становится только хуже. Через несколько дней то же слово произносит другой ребёнок. Потом появляется следующее — снова независимо, снова в разных семьях.

Анна Соколова, специалист по детской речи, привыкла искать источники, проверять память и не верить красивым совпадениям. Но её дочь знает каждое новое слово на сутки раньше остальных. Пока учёные пытаются понять закономерность, завтрашнее знание Лики становится предметом чужих надежд, требований и угроз.

Чтобы докопаться до истины и защитить дочь, Анне придётся ответить на вопрос труднее любой научной загадки: где заканчивается забота и начинается власть решать за другого?

Содержание

Глава 1. Своё слово	4
Глава 2. Два изобретателя	18
Глава 3. Второе совпадение	34
Глава 4. Чужой ребёнок	49
Глава 5. Папка совпадений	63
Глава 6. Конверт	78
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Алексей Тетерин

Слово завтрашнего дня

Глава 1. Своё слово

Анна положила перед Ликой две записки.

На одной было написано: «Пойдём к Лебедевым». На другой: «Останемся дома».

Лика не притронулась ни к одной. Она выковыривала из овсяной каши изюм и складывала ягоды на краю тарелки в ровную тёмную цепочку. За окном прошёл трамвай. В дверце кухонного шкафа коротко задребезжали чашки.

— Марина спрашивает, — сказала Анна. — Они зовут нас в субботу. Митя тоже будет.

Лика добавила к цепочке ещё одну ягоду.

— Можно показать пальцем.

Дочь подняла глаза. Потом взяла карандаш, лежавший рядом с тарелкой, перевернула первую записку и написала на обороте: «Я слышала».

Анна медленно выдохнула через нос.

В центре она учила родителей выдерживать паузу. Не задавать тот же вопрос громче. Не предлагать ответ, если ребёнок ищет свой. Дома все эти правила становились похожи на чужие хорошие советы, которые почему-то не помещались

между холодильником и окном.

— Хорошо, — сказала она. — Я подожду.

Ли́ка посмотре́ла на кухонные часы.

Анна тоже посмотре́ла. До выхода оставалось двадцать семь минут. Нужно было убрать посуду, проверить сменную обувь, заплести дочери волосы и найти подписанный лист для учительницы. Ждать следовало без часов. Так она сама говорила на занятиях.

Она открыла сообщение Марины. Там была фотография стола с новой синей скатертью и подпись: «Возвращаем традицию. Никаких серьёзных разговоров, честно».

До аварии они собирались у Лебедевых почти каждую неделю. Павел с Денисом спорили, можно ли считать настольную игру хорошей, если правила приходится читать дольше десяти минут. Марина нарезала слишком много хлеба. Митя с Ликой строили под столом убежище, куда взрослым разрешалось передавать еду, но нельзя было заглядывать.

За последние одиннадцать месяцев Анна дважды соглашалась прийти и оба раза отменяла встречу. Сначала у Лики болело горло. Во второй раз заболело уже у Анны, хотя термометр этого не подтвердил.

— Мне кажется, нам будет полезно выбраться, — сказала она. — Ты давно не видела Митю.

Ли́ка потянула к себе вторую записку, ту, где было про дом.

— Я понимаю, что дома спокойнее. Но если всё время оставаться только там, где спокойно, потом станет ещё труднее. Мы ненадолго. Если захочешь уйти, уйдём.

Карандаш замер над бумагой.

Анна услышала собственный голос со стороны: мягкий, ровный, терпеливый. Голос специалиста, который уже знает правильный ответ и великодушно даёт ребёнку время к нему прийти.

Она отвела взгляд и стала собирать изюм с края Ликиной тарелки. Одну ягоду положила в рот. Лика сразу накрыла остальные ладонью.

— Прости. Я думала, ты их не ешь.

Дочь написала: «Я их считала».

— Сколько?

Лика закрыла записку ладонью тоже.

Анна встала, отнесла свою чашку к раковине и включила воду. Над столом повисла тишина, в которой шум крана казался нарочно громким. На спинке соседнего стула висел серый кардиган Павла. Анна собиралась убрать его в шкаф ещё весной, потом летом, потом в первое воскресенье сентября. Теперь был октябрь, рукава вытянулись почти до пола.

«Пауза тоже часть разговора», — говорил Павел. Обычно тогда, когда сам не знал, что ответить.

Анна выключила воду.

— Я напишу Марине, что мы подумаем.

Лика разжала пальцы. Изюмин было девять.

— Доброжалъ, — сказала она.

Голос был тихим и немного хриплым после молчания, но слово прозвучало целиком. Анна повернулась так быстро, что бедром задела ручку ящика.

— Что?

Лика смотрела на стол.

— Повтори, пожалуйста.

Плечи дочери поднялись. Анна заметила это и всё равно подошла ближе.

— Доброжалъ? Ты сказала «доброжалъ»?

Лика кивнула.

— Это ты придумала?

После короткой паузы Лика снова кивнула.

Анну обдало такой быстрой радостью, что она не успела выбрать для неё подходящее лицо. Она улыбнулась во весь рот. Присела возле стула, чтобы их глаза оказались на одном уровне.

— Звучит складно. Это когда тебе кого-то жалко по-доброму?

Лика нахмурилась и покачала головой.

— Когда добрый человек жалеет, что сделал что-то плохое?

Снова нет.

— Покажешь?

Анна уже достала с холодильника магнитную доску. На ней с прошлой недели оставались три слова для школьного

выступления: «макет», «перила», «отражение». В свободном углу она написала: «ДОБРОЖАЛЬ».

— Можно нарисовать, — предложила Анна. — Или написать. Как тебе легче.

Дочь взяла чистый лист. Нарисовала маленькую фигурку на берегу лужи. Рядом получилась большая фигура с длинными руками. Большая подхватывала маленькую и переносила через воду, но ставила не на сухой асфальт, а в чёрный открытый люк.

Анна невольно усмехнулась.

— Это я?

Лица не улыбнулась.

Под рисунком она написала: «Когда тебе делают как лучше, а тебе от этого хуже».

Анна перечитала фразу.

— То есть обида?

Лица покачала головой.

— Злость?

Нет.

— Боль?

Лица повела ладонью из стороны в сторону: и да, и нет. Потом забрала у Анны карандаш и добавила: «Ты говоришь спасибо, потому что человек старался».

Слово на магнитной доске сразу стало менее милым.

Анна выпрямилась. Спина отозвалась тупой болью. На секунду ей захотелось стереть доску, вернуть «макет», «пери-

ла» и «отражение», собрать сумку и выйти по расписанию.

Вместо этого она сказала:

— Я поняла.

Лика посмотрела на две записки о субботе.

Анна взяла телефон.

— Я правда напишу, что мы подумаем.

Она открыла чат с Мариной. Напечатала: «Лика сегодня придумала новое слово. Доброжалъ. Представляешь?» Добавила фотографию доски, уже почти нажала отправить и остановилась.

— Можно я покажу Марине? Только слово, без рисунка.

Лика пожала плечами.

Это могло означать что угодно. Раньше Анна считала такой жест согласием, если торопилась, и отказом, если боялась. Сегодня торопилась.

Она отправила сообщение.

Ответ пришёл сразу: «Очень круто. Митя обзавидуется. Приходите в субботу, будем придумывать остальные».

Анна показала экран дочери.

— Видишь? Ей понравилось.

Лика отодвинула телефон.

До выхода оставалось тринадцать минут.

Анна заплела дочери две косы. Резинки нашлись разные: зелёная и жёлтая. Лика ничего не сказала. У двери она сама взяла лист для учительницы и убрала в рюкзак. Две записки остались на кухне, ни одна не была выбрана.

Перед тем как выключить свет, Анна ещё раз посмотрела на доску. «Доброжалъ» стояла в углу рядом с обычными школьными словами и уже выглядела домашней выдумкой, которую приятно будет вспомнить. Анна решила вечером записать её в дневник наблюдений.

До школы они шли семь минут. Лика считала красные машины и наступала только на целые плитки. Анна несла пакет со сменной обувью, хотя дочь дважды показывала на него и один раз протянула руку.

— Тяжёлый, — объяснила Анна.

Лика забрала пакет резким движением. Он оказался лёгким.

У входа дежурная учительница попросила подписанный лист. Анна полезла в свою сумку, но Лика уже достала бумагу из рюкзака. Сама положила её в пластиковый лоток и ушла, не обернувшись.

В центре речи Анна повесила куртку в шкаф и только тогда обнаружила в кармане одну смятую изюмину. Она выбросила её, вытерла пальцы влажной салфеткой и открыла расписание.

Первым пришёл шестилетний мальчик с отцом. Мальчик умел произносить все звуки отдельно, но в длинном слове менял их местами и сердился, когда его поправляли. Отец сел на детский стул, колени поднялись почти до подбородка.

— Скажи Анне Сергеевне, что мы тренировали, — попросил он.

Мальчик прижал подбородок к груди.

— Мы же вчера десять раз говорили. Эс-ка...

Анна подняла ладонь.

— Давайте дадим ему время.

Отец замолчал. Через три секунды шумно вдохнул. Через пять посмотрел на часы. Мальчик провёл пальцем по краю карточки, перевернул её картинкой вниз, потом сказал:

— Экса... эска...

Отец шевельнул губами.

Анна сделала вид, что не заметила. Не смотрела на часы. Не повторяла первый слог. Через полминуты мальчик произнёс «экскаватор» целиком и сам рассмеялся от облегчения.

— Вот, — сказал отец. — Можешь же, когда хочешь.

Радость на лице мальчика погасла так быстро, что Анна успела увидеть переход.

— Он смог, когда нашёл свой темп, — сказала она. — Это не то же самое, что захотеть по команде.

После занятия отец задержался в дверях.

— А дома сколько ждать? Мы однажды до ужина просидим.

— Не каждую паузу нужно заканчивать словом. Иногда вопрос можно оставить и вернуться позже.

Она произнесла это уверенно. Отец записал фразу в телефон.

До следующего приёма оставалось десять минут. Анна закрыла дверь кабинета, достала рабочую тетрадь и написа-

ла на полях: «доброжалъ». В электронном словаре ожидаемо ничего не нашлось. Поиск предлагал «добрую жалость», «сожаление» и название давно закрытого благотворительного магазина.

Анна усмехнулась и закрыла поиск. Детские слова часто казались невозможными лишь до первого объяснения. Один её пациент называл перчатки «рукавичками для пальцев», другой придумал «последождь» для запаха мокрого асфальта.

Во время обеда коллега спросила, придёт ли Лика на осенний праздник. В центре знали о её молчании и старались говорить об этом бережно, что иногда было хуже прямого любопытства.

— Пока не решила, — ответила Анна.

— Если понадобится тихая комната, скажи. И она может вообще ничего не рассказывать на сцене.

— Спасибо.

Анна знала, что предложение хорошее. Всё равно услышала в нём напоминание: чужим детям она давала время, для своего искала условия, при которых речь всё-таки состоится.

К последнему приёму слово «доброжалъ» перестало казаться событием. Оно лежало в тетради среди дат, переносов и списка карточек на завтра. Анна почти убедила себя, что именно так и следует к нему относиться.

У школы родители стояли полукругом у калитки. Кто-то держал самокат, кто-то пакет со сменной одеждой, кто-то

уже разговаривал по рабочей связи. Анна увидела Лику в стекле раньше, чем открылась дверь. Дочь шла последней и несла в обеих руках картонную модель лестницы.

Учительница вышла следом.

— Лика сегодня всё сделала, — сказала она негромко. — Макет показала сама. Отвечать перед классом не стала, но я не настаивала.

Анна услышала в этой фразе заботу и отчёт одновременно.

— Спасибо, — сказала она. — А лист для экскурсии у вас?

— Да, в папке. На понедельник дам подтверждение.

Лика уже прошла к воротам. Анна догнала её и потянулась забрать модель.

— Давай понесу, лестница помнётся.

Дочь отвернула картон от её рук.

Анна опустила ладони.

До дома можно было идти короткой дорогой вдоль трамвая или длинной через сквер. Обычно Анна выбирала короткую: после работы нужно было приготовить еду и ответить родителям. У перекрёстка Лика остановилась между двумя дорожками.

— Куда? — спросила Анна.

Лика показала на сквер.

Анна посмотрела на часы и убрала телефон в карман.

В сквере листья прилипли к мокрым скамейкам. Лика несла лестницу сама, иногда поднимая её над головой, ко-

гда навстречу шли люди. Возле площадки она остановилась у девочки, которая безуспешно пыталась поднять самокат на бордюр. Анна уже сделала шаг помочь, но Лика поставила модель на землю, подхватила самокат с другой стороны и дождалась, пока девочка скажет «готово».

Они подняли его вместе.

Анна не похвалила. Просто взяла модель, когда Лика сама протянула её после бордюра.

Дома картонная лестница оказалась целой. Лика поставила её на подоконник и пошла мыть руки. Анна разогрела суп, не спрашивая, хочет ли дочь сначала обсудить школьный макет или утреннее слово.

* * *

После школы Лика закрылась у себя не сразу. Сначала поела разогретый суп, разложила на столе цветные карандаши и полчаса рисовала кухню с высоты потолка. Анна работала за ноутбуком в соседней комнате. Из центра прислали три новых голосовых сообщения от родителей, и она прослушивала их в наушниках, отмечая время вдоха, пропущенные согласные, попытки матери договорить за ребёнка.

На третьей записи мальчик долго искал слово «экскаватор». Его отец подсказал после первого слога.

Анна поставила паузу и услышала собственное утреннее: «Доброжал? Ты сказала „доброжал“?»

Она сняла наушники.

В квартире было тихо. Из комнаты Лики доносился только сухой шорох карандаша.

На телефоне мигнуло сообщение от Марины: «Суббота в четыре. Если Лика не захочет, посидим вдвоём, Денис отвёдет детей во двор».

Анна написала: «Спасибо. Скорее всего, придём».

Отправила и только потом заметила «скорее всего».

Она встала, чтобы спросить Лику, но у двери остановилась. Постучала.

Шорох прекратился.

— Можно войти?

Ответа не было.

Анна подождала. Потом вернулась к ноутбуку. Через две минуты дверь открылась, и Лика вышла с пустой кружкой. Она прошла на кухню, налила воду и задержалась возле магнитной доски.

— Я не стирала, — сказала Анна.

Лика взяла маркер и обвела слово прямоугольником.

— Хочешь оставить?

Дочь пожала плечами.

— Я записала его в дневник. Не твой рисунок, только значение. Чтобы не забыть.

Лика положила маркер.

Анна поняла, что снова объясняет пользу раньше, чем слышала вопрос.

— Если ты против, я уберу.

Ли́ка ушла в комнату и вернулась с синим альбомом. Анна знала эту обложку. Павел купил альбом в киоске у метро, потому что в художественном магазине Ли́ка слишком долго выбирала между красным и синим. Он сказал, что синий дешевле и поэтому решение принято научно.

Анна не открывала альбом после аварии. Несколько раз переставляла его со стола на полку и обратно, не заглядывая внутрь.

Ли́ка положила альбом перед ней и раскрыла на последней общей странице.

Там была высокая девочка в плаще и дом с глазами вместо окон. Девочка стояла перед закрытой дверью. Над ней оставалось пустое облако для реплики. Линии дома были Павловы: быстрые, уверенные, с лишними штрихами на крыше. Фигурка девочки была Ли́кина.

— Вы не закончили, — сказала Анна.

Ли́ка перевернула страницу. На следующем листе она нарисовала девочку одну. За дверью пока ничего не было, только белая бумага.

Анна осторожно провела пальцем по краю, не касаясь рисунка.

— Папа говорил, что пауза тоже часть разговора.

Ли́ка смотрела не на страницу, а на Аннину руку.

Анна убрала её.

— Прости.

Дочь вытащила из кармана сложенную записку и положила рядом с альбомом.

На ней было написано: «Ты хвалишь меня и опять не слышишь».

Анна прочла один раз. Потом второй.

На кухне щёлкнул холодильник. За окном снова прошёл трамвай, чашки отозвались коротким дребезгом.

Ли́ка забрала альбом, но записку оставила.

Анна перенесла её с края стола, чтобы не намочила возле раковины. Сначала хотела положить в рабочую тетрадь рядом с «доброжалю», но остановилась. Записка была не наблюдением и не образцом речи.

Она нашла на холодильнике магнит в форме яблока и прикрепила лист ниже доски, отдельно от нового слова. Потом подумала, что выставляет личное обвинение напоказ, сняла и положила возле Ли́киной закрытой двери.

— Я прочитала, — сказала Анна. — Отвечать не обязательно.

Из комнаты не донеслось ни звука.

Она вернулась на кухню. Тряпка лежала возле раковины. Анна вымыла её и повесила сушиться, а доску не тронула.

Анна не стала звать её обратно.

Глава 2. Два изобретателя

На площадке перед квартирой Лебедевых Анна поправила воротник Ликиной куртки и сразу убрала руки.

— Позвонить можешь ты, — сказала она.

Лика посмотрела на кнопку звонка. На двери висела деревянная табличка, которую Павел когда-то подарил Денису: «Здесь правила объясняют после начала игры». Одна буква выцвела, на углу осталась царапина от переезда.

Анна уже решила, что дочь не станет звонить, когда Лика нажала кнопку два раза: коротко и длинно. Их старый сигнал.

За дверью загрохотало. Митя крикнул: «Я открою», Марина велела ему не бежать в носках, а Денис сообщил кому-то, что падение тоже считается способом остановиться.

Дверь распахнулась.

— Вы пришли, — сказал Митя так, будто до последней секунды подозревал обман.

Он вытянулся за лето и теперь едва не доставал Лике до макушки. На нём была чёрная футболка с планетоходом и надписью по-английски. Лика прочла надпись, потом показала на его ноги.

Митя посмотрел вниз. Один носок был с ракетами, второй — с жёлтыми утками.

— Это пара, — сказал он. — Они оба про полёт.

Лика сняла ботинки. У неё носки тоже оказались разными, зелёный и серый. Митя удовлетворённо кивнул и ушёл в комнату, не проверяя, следует ли она за ним. Лика повесила куртку и пошла следом.

Анна осталась у двери с пакетом пирожных.

Марина обняла её осторожно, одной рукой, не прижимая. От неё пахло укропом и аптечным кремом.

— Я не знала, что готовить, — сказала Марина. — Поэтому приготовила всё, что вы раньше ели.

— Нас было четверо взрослых.

— Я помню.

Они посмотрели друг на друга. Марина первой улыбнулась.

— Денис тоже помнит. Но уже поздно.

На кухне стояли запечённая курица, две миски салата, картофель, хлеб, солёные огурцы и блюдо с сыром, которое никто не успел поставить в холодильник. Денис размешивал соус в кружке с надписью «Лучший системный администратор». Анна знала, что системным администратором он никогда не работал.

— Я рассчитал еду на шесть человек, — объявил он. — Павел обычно съедал за двоих, так что всё правильно.

Марина замерла у шкафа.

Анна поставила пирожные на стол.

— Только если спорил, — сказала она. — Когда соглашался, ел как обычный человек.

Денис выдохнул. Марина достала четвёртую взрослую тарелку, посмотрела на неё и убрала обратно.

Из детской донёсся стук коробки о пол.

— Они открыли «Поселенцев», — сказал Денис. — У нас минут сорок, пока выяснится, что правила неправильные.

— Ты сам их учил.

— Именно поэтому я уверен.

Анна рассмеялась. Смех вышел громче, чем она ожидала. На секунду ей показалось, что сейчас из коридора войдёт Павел и спросит, что пропустил. Вместо него появился Митя с охапкой карточек.

— Пап, где запасные дороги?

— В нижней коробке.

— Там рыцари.

— Значит, в верхней.

— Там овцы из другой игры.

Денис открыл рот, но Митя уже ушёл.

— Система хранения переживает сложный период, — объяснил Денис.

Анна сняла резинку с коробки пирожных. В детской Лика что-то тихо сказала или только выдохнула — разобрать было невозможно. Митя ответил обычным голосом, без заминки. Он не просил её повторить.

— Как она? — спросила Марина.

Вопрос прозвучал негромко. Не как профессиональный и не как вежливый.

— По-разному.

— Я рада, что вы пришли.

— Я тоже.

Анна поняла, что это правда. Не полезная тренировка, не возвращение к жизни и не ещё один правильный шаг. Ей было хорошо стоять на знакомой кухне и видеть, как Денис ищет крышку от соуса у себя под локтем.

Она не стала говорить, что почти решила за Лику.

За стол дети пришли только после третьего приглашения. Лика села на прежнее место у окна. Рядом раньше сидел Павел. Теперь там стояла пустая табуретка с коробкой салфеток. Митя переставил коробку на подоконник и занял табуретку сам.

Разговор сначала держался на безопасных вещах. Марина рассказала, как посетитель аптеки требовал вернуть деньги за электронный градусник: при трёх измерениях подряд тот показывал три разные температуры. Денис показал фотографию кота, который спал на тёплом капоте и не уступал машину опаздывающему хозяину. Анна рассказала про мальчика из центра, называвшего все большие машины экскаваторами, включая автобус и стиральную машину.

Лика ела картофель и слушала. Митя несколько раз начал рассказывать ей что-то отдельно, но не ждал ответа и сам заканчивал историю. Когда он заявил, что их учительница запрещает пользоваться словом «короче» чаще трёх раз за сообщение, Лика показала четыре пальца.

— Это не сообщение, — возразил Митя. — Это ужин.

Она показала пять.

— Ты считаешь с начала?

Лица кивнула.

— Нечестно. Я не знал, что идёт игра.

Уголок её рта поднялся.

Анна увидела улыбку и заставила себя не смотреть на Марину. Если взрослые заметят слишком сильно, Лица перестанет.

После еды Денис всё-таки нашёл дороги — в пакете с шашками — и предложил начать заново. Дети устроились на ковре в гостиной, взрослые остались за большим столом с чаем. Дверь между комнатами была открыта. Оттуда доносились перестук кубиков и спор о том, можно ли строить через чужую деревню, если очень нужно.

— А слово осталось? — спросила Марина.

Анна не сразу поняла.

— Какое?

— Ликино. Доброжалъ.

Она произнесла его неловко, с паузой между «добро» и «жалъ».

— На доске осталось.

— Хорошее слово, — сказал Денис. — Не то чтобы хорошее по смыслу. Удобное.

— Не говори при них, — попросила Марина.

— Почему?

— Потому что это Ликино.

Анна провела пальцем по краю чашки.

— Она разрешила показать тебе, — сказала она Марине.

— Точно?

— Пожала плечами.

Марина ничего не ответила. В гостиной кубик ударился о паркет и закатился под диван.

— Пап, помоги! — крикнул Митя.

Денис поднялся.

— Специалист по нижним пространствам выезжает.

— Не надо диван двигать, он справа!

— Я вижу более надёжное решение.

— Пап, не надо!

Послышался скрежет. Потом что-то рассыпалось, и Митя простонал так выразительно, что Марина закрыла лицо ладонью.

— Вот, — сказал он из гостиной. — Опять доброжалъ.

Анна поставила чашку.

Денис стоял, согнувшись над отодвинутым диваном. Под ним лежал не только кубик, но и целая коробка старого конструктора, которую задела ножка. Серые и красные детали разлетелись по ковру. Митя собирал карточки построек. Лика сидела на полу, прижав руки к коленям.

— Что ты сказал? — спросила Анна.

Митя поднял голову.

— Папа всё испортил.

— До этого.

— Доброжалъ.

Он произнёс слово без паузы, с тем же мягким ударением на последнем слоге, как Лика.

Денис медленно выпрямился.

— Так, — сказал он. — Это уже плагиат.

Митя нахмурился.

— Чего?

— Лика придумала это слово во вторник.

— Я тоже придумал.

— Сегодня?

— Нет. Давно.

— Четыре дня — это не давно, — сказала Марина.

— Когда мы делали мост.

Денис посмотрел на неё.

— Какой мост?

— Который ты укрепил.

Марина засмеялась первой. Через секунду засмеялся Денис. Анна вспомнила Митину модель из деревянных палочек: он строил её для школьной выставки, а Денис прислал в общий чат фотографию конструкции с двумя дополнительными опорами и подписью «провели нагрузочное тестирование». Павел обязательно спросил бы, пережил ли мост тестировщика.

— Подождите, — сказал Денис. — То есть я дважды совершил доброжалъ за одну неделю?

— Ты всё время её совершаешь, — ответил Митя.

Ли́ка наклонилась к коробке и стала собирать детали конструктора по цветам.

— А вы договаривались? — спросила Анна.

Митя посмотрел на неё с обидой.

— Когда?

— В школе. Или переписывались.

— Мы не в одной школе.

— Я знаю. Может быть, в игре?

— Ли́ка две недели не заходила.

Анна повернулась к дочери.

— Это правда?

Ли́ка кивнула.

— Всё равно семейный стартап, — объявил Денис. — Два ребёнка придумали одно слово. Сейчас регистрируем товарный знак и будем продавать родителям.

— Сначала собери конструктор, — сказала Марина.

— Я руководитель. Руководители создают условия.

Митя протянул ему пустую коробку.

— Создавай.

Все снова засмеялись. Даже Ли́ка коротко фыркнула, не поднимая головы.

Анне тоже было смешно. Совпадение казалось редким, но не невозможным. В слове соединялись две обычные части. Оба ребёнка знали одних и тех же взрослых, играли в похожие игры и одинаково страдали от помощи родителей. Воз-

можно, Митя услышал слово от Марины. Возможно, Лика когда-то сказала его Мите и забыла. Возможно, они оба видели ролик, который потом невозможно будет найти среди сотен коротких видео.

Дети не обязаны помнить источник каждого звука.

Она помогла собрать конструктор. Денис вернул диван на место, на этот раз спросив разрешения у Мити. Игра продолжилась. Теперь при каждом неудачном ходе кто-нибудь говорил «доброжалъ», даже если слово не подходило. Марина принесла пирожные, Денис выбрал самое большое и получил обвинение в доброжали заранее.

К концу вечера слово стало семейной шуткой.

Только Лика больше ни разу его не произнесла.

Когда партия закончилась, Денис поставил ноутбук на край стола.

— Пять минут цифровой археологии, — объявил он. — Потом я снова нормальный хозяин.

— Ты им ещё не был, — сказала Марина.

Он выгрузил историю семейного чата и поискал «доброжалъ» во всех формах, которые смог придумать. Нашлось только сообщение Анны и три сегодняшние шутки. В детском игровом чате слова не было. История браузера показывала ролики про мосты из палочек, прохождение игры и запрос «можно ли коту сыр косичку».

— Нельзя, кстати, — сообщил Денис.

— Я только один кусочек дал, — сказал Митя из гостиной.

— Почему я узнаю это из истории браузера?

— Потому что история всё сохраняет.

Денис повернул экран к Анне.

— Интернет чист. Насколько интернет вообще может быть чистым.

— Семейный чат не вся речь, — сказала она. — Марина могла произнести слово вслух.

Марина села напротив и попыталась восстановить вторник. Сообщение Анны пришло в аптеке, во время приёма. Она показала его коллеге, потому что форма понравилась. Вечером забрала Митю от бабушки, по дороге они зашли за клеем для моста. Дома Марина готовила ужин и разговаривала с сестрой по телефону.

— Я могла рассказать ей, — сказала Марина. — Или Мите. Или сказать Денису при Мите.

— Мне ты не говорила, — отозвался Денис.

— Ты во вторник пришёл после десяти.

— Тогда точно не говорила. После десяти я не воспринимаю новые существительные.

— А я воспринимаю? — спросил Митя.

Анна обернулась. Он стоял в дверях, прижав к груди коробку с игрой.

— Мы пытаемся понять, мог ли ты услышать слово раньше, чем сам его придумал.

— Я не слышал.

— Можно услышать и не запомнить источник.

— Тогда откуда ты знаешь, что Лика придумала, а не услышала и забыла?

Вопрос был детски прямым и вполне справедливым. Анна посмотрела на Лику. Та складывала дорожки в пакет и не поднимала головы.

— Не знаю, — признала Анна. — Поэтому и проверяем.

— Вы проверяете только меня.

— Потому что мы сейчас у тебя дома и можем посмотреть записи. Лику я тоже спросила.

Лика резко затянула шнурок на пакете.

Анна поняла, что это не улучшило ответ.

— Всё, — сказала Марина. — Археология закончилась. Дети не обязаны сдавать экзамен на авторство за пирожное.

Она унесла ноутбук на подоконник и принесла оставшиеся эклеры. Их было три. Денис сразу отодвинул самое большое пирожное Мите, демонстративно не называя поступок жертвой.

— А это кому? — спросил Митя, показывая на второе.

Лика пододвинула его к Марине.

— Спасибо, — сказала та. — Без объяснений принимает-ся.

Последний эклер Анна разделила с Денисом. Крем выдавился на блюде, и Денис собрал его пальцем прежде, чем Марина успела принести ложку. В детской Митя снова включил игру, но теперь они с Ликой строили не поселения, а бессмысленную длинную дорогу от одного края поля до дру-

того.

— В следующий раз у нас, — сказала Анна.

Фраза вырвалась сама. Их квартира всё ещё хранила пустое место за столом и коробки Павла у балконной двери. Анна ожидала, что захочет забрать приглашение обратно.

Марина только кивнула.

— В следующий раз у вас.

Анна посмотрела в гостиную. Лика услышала. Не согласилась и не отказалась. Анна оставила фразу такой, какой она прозвучала: обещанием взрослой подруге, а не решением за дочь.

* * *

Когда Анна с Ликой одевались, Митя принёс из комнаты картонный мост. Одна боковая опора была из светлых палочек, другая — из тёмных. Посередине виднелось засохшее пятно клея.

— Вот тут он сделал лучше, — сказал Митя и показал на тёмную сторону. — А стало криво.

— Зато выдерживает три учебника, — возразил Денис.

— Выставка была про красоту.

— Это нигде не написано.

— В названии написано. «Город красивых мостов».

Денис взял у сына модель, прочёл наклейку на основании и вернул.

— Принимается.

Митя явно не ожидал такой быстрой победы. Он прижал мост к животу и посмотрел на Лику.

— Я правда сам придумал.

Лица застегнула куртку и кивнула.

— И ты сама?

Она снова кивнула.

— Тогда у нас ничья.

Лица помедлила и показала один палец, потом два. Митя решил, что она считает изобретателей, и показал два в ответ.

На улице моросило. Анна раскрыла зонт, но Лица натянула капюшон и пошла рядом, не прячась. От нового дома до трамвайной остановки было семь минут. Во дворе светились окна, на мокрой площадке блестела красная горка.

Телефон Анны завибрировал.

Денис прислал фотографию. На ней Митин мост лежал на кухонном столе, а рядом была тетрадь в клетку. Поперёк страницы детским почерком шло: «Папина доброжалъ всё сломала».

Следом пришло сообщение: «Нашёл у себя. Снимал в среду вечером, чтобы коллегам мост показать. Метаданные на месте. До сегодняшней встречи — три дня. Прошу признать независимое изобретение!»

Анна остановилась под фонарём. Капли застучали по зонту.

— Лица, посмотри.

Дочь вернулась на шаг. Анна увеличила фотографию. В сведениях о файле стояли среда и время: 19:42.

— Он написал это на следующий день после тебя.

Лика смотрела на дату.

— Марина могла повторить слово дома, — сказала Анна.

— Я отправила ей утром во вторник. Она могла даже не запомнить, что говорила. Так бывает.

Лика подняла на неё глаза.

— Или ты сказала Мите раньше. В игре, например.

Дочь достала телефон. Открыла журнал входов в игру и показала последнюю дату: две недели назад.

— Тогда какой-нибудь ролик. Или школьный чат. Это интересное совпадение, но совпадения случаются.

Анна услышала, как быстро заговорила, и остановилась.

Лика взяла её телефон, вернула фотографию к общему виду и коснулась цифры на экране: среда.

Потом показала один палец.

— Один день после тебя, — сказала Анна.

Лика кивнула.

— Да. Поэтому ты первая, а Митя второй. Два изобретателя.

Они дошли до остановки. Под навесом пахло мокрым железом и кофе из автомата. Лика встала не рядом с Анной, а у края светового табло, где отражались красные минуты ожидания.

— Марина могла сказать, — повторила Анна уже медлен-

нее. — Я не отбрасываю дату. Просто дата пока не отделяет совпадение от передачи.

Лика сняла перчатку и нарисовала на запотевшем стекле две короткие черты. Первая стояла отдельно, вторая — на шаг правее. Между ними она поставила точку.

— Это дни?

Кивок.

— Я поняла. Вторник, потом среда.

Лика стёрла рисунок рукавом прежде, чем подошёл трамвай.

Подошёл трамвай. Двери раскрылись, выпустив тёплый воздух и трёх пассажиров. Анна убрала телефон, взяла дочь за рукав и провела внутрь.

Они сели у окна. Лика пальцем написала на запотевшем стекле «1», обвела цифру и стёрла ладонью прежде, чем Анна успела спросить.

Анна не стала рассказывать, какое слово придумали дети. Совпадение оставалось ровно того размера, какого заслуживало: двумя детскими записями внутри двух знакомых семей. Сообщение Дениса она не переслала себе в рабочую почту. В понедельник можно было спокойно посмотреть, что дети смотрели и кому рассказывали. Ночь не требовала решения.

Телефон снова завибрировал.

Денис написал: «Слушай, а Марина говорит, что при Мите слово не произносила. Вообще забыла про твоё сообщение

до сегодняшнего вечера».

Через минуту появилось второе:

«Хотя теперь уже не поручусь. Память — ненадёжная штука».

Анна посмотрела на своё отражение в тёмном окне. Она могла точно вспомнить, как утром во вторник отправила фотографию. Могла вспомнить зелёную и жёлтую резинки, девять изюмин и кардиган Павла на стуле.

Но произносила ли она «доброжалъ» потом, в центре, по телефону или в магазине, Анна не знала.

Слово успело стать знакомым. В памяти для него уже не было первого раза.

Глава 3. Второе совпадение

В воскресенье утром Денис создал чат «Следствие ведут родители» и поставил на картинку лупу над детским носком.

Марина сразу переименовала чат в «Откуда слово».

Анна читала сообщения на кухне, пока Лика дорисовывала комикс у себя. На магнитной доске всё ещё стояла «доброжаль». Рядом Анна приписала две даты: вторник и среда. Во вторник слово сказала Лика. В среду Денис сфотографировал Митину тетрадь.

Денис начал со школьных чатов. Он прислал снимки поиска по сообщениям, потом список каналов, на которые был подписан Митя, потом таблицу из двадцати семи последних роликов.

«Ты работаешь?» — спросила Марина.

«Это и есть работа. Просто заказчик пока не знает».

Анна проверила историю просмотра на Ликином планшете. Большая часть названий ничего ей не говорила: прохождения, сборки, короткие обзоры обновлений. Некоторые ролики длились меньше минуты. Лика могла посмотреть их и забыть прежде, чем Анна успевала налить чай.

Один канал совпал с Митиным списком.

«Кубометр», — написала Анна.

«Есть», — ответил Денис. — «Они оба смотрели выпуск про подземный город».

Он прислал ссылку. Ролик вышел две недели назад и длился сорок три минуты. Анна включила его на двойной скорости. Ведущий строил город внутри горы, спорил с другими игроками и каждые несколько минут просил подписаться. Его напарники называли друг друга по никам: Krot, MilaFox, Dobrozhall.

Анна остановила запись.

На экране персонаж в синем шлеме держал факел. Над ним светилось: Dobrozhall.

Она вернула скорость и прослушала отрывок снова.

— Доброжал, не ставь дверь здесь. Доброжал, ты меня слышишь?

Ведущий произносил ник с ударением на первом слоге и без мягкого знака, но на экране разницы не было.

Анна позвала Лику.

Дочь появилась в дверях с синим карандашом в руке.

— Ты смотрела этот выпуск?

Лика глянула на экран и кивнула.

— Помнишь игрока?

Пожала плечами.

— Вот его имя.

Анна показала на подпись. Лика подошла ближе, прочла и нахмурилась.

— Похоже на твоё слово, — сказала Анна. — Может быть, ты увидела ник, а потом придумала для него значение.

Лика покачала головой.

— Такое бывает. Мы запоминаем форму, но забываем, откуда она. Это не значит, что ты нарочно присвоила чужое.

Лика сильнее сжала карандаш.

Анна услышала последнюю фразу и поняла, что защищает дочь от обвинения, которого никто не выдвигал.

— Я не говорю, что так и было, — поправились она. — Только что это возможно.

Лика взяла её телефон и набрала в чате одно сообщение: «У него ДОБРОЖал».

Денис ответил почти сразу: «А у вас доброЖАЛЬ. Сни-
маю подозрения с клиента».

Потом добавил: «Но присяжные всё равно устали и хотят обедать».

Марина прислала смеющееся лицо.

Анна тоже улыбнулась. Ник объяснял точную последовательность букв. Дети могли сами передвинуть ударение, присоединить мягкий знак и придумать значение из двух знакомых частей. Даже одинаковое изменение не казалось невероятным. Они разговаривали на одном языке и смотрели один ролик.

На доске Анна написала под датами: «ролик — две недели назад».

Лика стёрла эту строку рукавом.

— Почему?

Дочь перевернула магнитный маркер и постучала колпачком по ударению, которое Анна поставила над последним

слогом.

— Я вижу, что там другое, — сказала Анна. — Но это всё равно возможный источник.

Лика вернула маркер на холодильник и ушла.

Анна снова написала про ролик. На этот раз не как ответ, а со знаком вопроса.

К вечеру чат замолчал. Денис нашёл ещё два старых профиля с похожими именами. Марина вспомнила, что когда-то называла Митину чрезмерную помощь «доброй жалостью», хотя не могла сказать когда. Анна обнаружила в поиске название благотворительной ярмарки «Добро. Жаль, что раз в год».

Из каждой мелочи можно было собрать происхождение слова. Ни одна не объясняла его целиком, но целиком, возможно, и не требовалось.

К обеду Анна закрыла чат и занялась обычным воскресеньем. Запустила стирку, разобрала продукты из доставки и обнаружила три одинаковые пачки гречки: приложение каждый раз оставляло прошлый заказ в корзине, а она каждый раз не замечала. Лика вынесла из комнаты коробку с обломками цветных мелков и стала точить их над мусорным ведром.

— На улице сухо, — сказала Анна. — Можем пройтись до парка.

Лика показала на стиральную машину. До конца оставалось двадцать восемь минут.

— Она не убежит.

Дочь показала на окно. По стеклу уже шли редкие капли.

Анна посмотрела прогноз. Дождь должен был начаться только вечером.

— Хорошо. Ты победила приложение.

Лика нарисовала пальцем в воздухе маленькую корону и надела её себе на голову. Анна засмеялась. Они остались дома, испекли замороженные сырники и смотрели, как дождь собирает на подоконнике узкую лужу.

Облегчение от найденного ника было почти физическим. Мир снова состоял из забытых роликов, семейных чатов и детской памяти. Анна не обязана была превращать Ликино слово в работу. Можно было просто признать: дочь услышала удачную форму и сделала из неё что-то своё.

Она хотела сказать это Лике, но остановилась. Объяснение всё равно начиналось бы с того, что Анна лучше знает происхождение чужой мысли.

Вместо этого она спросила:

— Сырник со сметаной или так?

Лика выбрала без сметаны. Анна не стала добавлять её «для вкуса».

Анна стёрла даты с доски. «Доброжалъ» оставила: Лика просила не стирать — или Анна решила, что просила.

В понедельник Лика вернулась из школы с незаполненным согласием на экскурсию.

Лист был сложен вчетверо и промок с одного края. Под строкой «подпись законного представителя» расплылось синее пятно.

— Я же подписала его в пятницу, — сказала Анна.

Лика сняла рюкзак и положила рядом второй лист — чистый.

— Учительница дала новый?

Кивок.

— А старый где?

Лика написала на обороте: «Она потеряла».

— Елена Викторовна?

Ещё один кивок.

Анна посмотрела на мокрый угол. В субботу дождь начался только вечером, когда они шли от Лебедевых. В пятницу было сухо. Если лист лежал у учительницы, откуда взялась вода?

— Ты точно отдала?

Лика замерла.

Анна знала эту неподвижность. Дочь не готовилась отвечать — она закрывала разговор.

— Ладно, — сказала Анна. — Подпишу новый.

Ли́ка не двину́лась.

— Я тебе верю. Наверное, учительница положила его рядом с бутылкой или у неё что-то пролилось.

Анна взяла ручку. Экскурсия была в музей архитектуры. Павел водил туда Лику два года назад и полчаса доказывал смотрительнице, что ребёнку необходимо лечь на пол, чтобы правильно увидеть потолок.

— Ты хочешь идти?

Ли́ка кивнула.

Анна заполнила дату, паспортные данные и телефон. Когда она поставила подпись, дочь села напротив и подтянула к себе промокший лист.

На чистом поле Ли́ка написала: «Веролад».

— Это что?

Ли́ка забрала ручку и дописала: «Когда тебе поверили и внутри стало тихо».

Анна перечитала.

— Даже если ты не доказала?

Ли́ка кивнула.

— Веро-лад, — произнесла Анна. — Вера и лад?

Ещё один кивок.

На этот раз Анна не потянулась за телефоном. Она подписала второй экземпляр согласия и положила оба листа перед дочерью.

— Старый оставить тебе?

Ли́ка выбрала промокший.

Новый Анна убрала в прозрачный файл. Потом достала его обратно и отдала Лике.

— Сама положишь в рюкзак?

Дочь положила.

Вечером Анна записала «веролад» в рабочий блокнот. Не в дневник наблюдений за Ликой — на последнюю страницу, между номером доставки воды и расчётом отпускных. Дату всё равно поставила.

В девять пришло сообщение от учительницы.

«Анна Сергеевна, простите, нашла первый лист Лики между папками. На него протекла бутылка из пакета с материалами. Новый экземпляр получила, спасибо».

Анна перечитала и почувствовала короткое удовлетворение человека, который оказался прав. Сразу захотелось показать экран Лике: видишь, я не зря поверила. Потом она поняла, что этим превратит доверие в ставку, удачно выигранную доказательством.

Она написала учительнице: «Спасибо, что сообщили. Первый лист можно выбросить, он остался у Лики».

Телефон положила экраном вниз.

Лика сидела на полу и раскладывала содержимое пенала. Среди карандашей лежал промокший лист. Анна не сказала, что теперь всё подтверждено. Дочь не просила подтверждения.

Перед сном Анна вернулась к блокноту. Рядом с «вероладом» хотела приписать «учительница нашла», но оставила

только дату появления слова. У самого слова была своя история. У потерянного согласия — своя. Соединять их в доказательство чего-либо пока было незачем.

* * *

На следующий день Марина позвонила во время последнего занятия.

Анна сбросила вызов и написала: «Я в центре. Что-то срочное?»

В ответ пришла фотография страницы из Митиной тетради. Вверху стояла вчерашняя дата. Под ней было домашнее задание: описать случай, когда взрослый поступил справедливо.

Митя написал: «Макет не включился, но Ирина Олеговна поверила, что дома он работал. Я почувствовал веролод».

Анна увеличила последнее слово.

Буквы были соединены тем же школьным почерком, что в записи про доброжалъ. Никакой паузы, кавычек или исправления.

«Он говорит, сам придумал», — написала Марина. — «Я это слово раньше не видела».

Анна села за стол. За стеклянной дверью администратор помогала мальчику застегнуть куртку. Мать мальчика держала телефон у его лица и просила сказать бабушке до свидания. Он отворачивался, а она повторяла просьбу всё лас-

ковее.

Анна открыла историю семейного чата. После воскресного вечера там обсуждали только ник Dobrozhal. «Веролада» не было. Митя не заходил в общую игру. Лика не пользовалась телефоном после школы — экранное время показывало восемь минут утром.

Она написала Марине: «Не спрашивай пока подробнее. Сфотографируй всю страницу и пришли исходный файл, не через пересылку».

«Зачем?»

Анна посмотрела на свой блокнот. Вчерашняя дата стояла рядом с номером доставки воды.

«Чтобы потом не спорить, кто что помнит».

Пока Марина искала режим отправки файла, Анна набрала «веролад» в поиске. Результаты предложили исправить запрос на «вероисповедание», «Вера Лад» и название мебельного магазина. Точной формы не было.

Она проверила написание латиницей. Нашла аккаунт женщины по имени Вера Ладова и песню малоизвестной группы. Проверила слитно, отдельно, с мягким знаком, с буквой «е» на конце.

Ничего.

Это не доказывало, что слова раньше не существовало. Поиск не видел разговоры на кухнях, детские тетради и удалённые сообщения. Он не видел большую часть человеческой речи.

Но теперь совпадений было два.

Марина прислала исходную фотографию. В свойствах стоял понедельник, 18:16. Анна записала время рядом с Ликиной датой, хотя у её собственной записи точного времени не было.

Она вышла в пустой коридор и перезвонила Марине.

— Ты спрашивала Митю, где он услышал слово?

— Один раз. Он сказал, что придумал после задания. Потом Денис начал строить версии, и я его остановила.

— Само задание он делал где?

— На кухне. Я была на смене, Денис созванивался с работой. Фотографию сделал вечером, когда проверял дневник.

— Можно сохранить исходник у меня? Пока только для сравнения с Ликиной записью. Не пересылать никому, не публиковать.

Марина молчала чуть дольше, чем требовал простой вопрос.

— Моё разрешение достаточно?

Анна посмотрела через стеклянную дверь. В комнате ожидания мать всё-таки добилась от сына «до свидания» и теперь радостно переслушивала запись.

— Для хранения твоей фотографии — да. Для использования Митиного текста — нужно спросить его отдельно. Не сейчас, если он устал от вопросов.

— А у Лики ты спросила?

Анна прижала телефон плотнее к уху.

— Про первое слово — неясно. Про это никому не рассказывала.

— Это не ответ.

— Знаю.

Они договорились, что Марина сохранит тетрадь и исходный файл у себя. Анна внесёт только форму, дату и пометку, что доступ к странице не согласован для исследования. Если совпадение окажется случайным, на этом всё закончится.

— А если не окажется? — спросила Марина.

— Тогда сначала решим, что именно мы вообще имеем право проверять.

Закончив разговор, Анна открыла новую таблицу.

В первой строке написала «доброжалъ». Во второй — «веролад». Создала столбцы: кто, когда, где записано, кто уже знал.

Она сначала назвала файл «слова детей», потом переименовала в «совпадения», затем в «источники». Первое название заранее решало, что формы принадлежат детям. Второе отбирало только удачные пары. Третье хотя бы напоминало о том, чего они пока не знали.

В строке Мити Анна указала не «придумал», а «записал». В строке Лики — «произнесла при Анне». Для «веролада» добавила школьное задание Мити и собственный блокнот. Рядом поставила отдельное поле: кто видел форму до записи.

У Лики до домашней записи не было никого, кого Анна могла подтвердить. У Мити — Денис, который сфотографи-

ровал тетрадь уже после выполнения. Но пустая клетка не означала «никто». Она означала только «Анна не знает».

Администратор заглянула в кабинет и напредила, что центр закрывается.

— Пять минут, — сказала Анна.

— Ты это двадцать минут назад сказала.

Анна сохранила файл в рабочей папке, сразу перенесла в закрытый раздел и проверила права доступа. По умолчанию папку могли видеть ещё два специалиста отдела. Она убрала их не потому, что ожидала сенсации, а потому, что разрешений на передачу не было.

Потом написала Марине: «Таблицу создала. Там пока только формы, даты и источники. Страницу Мити никому не показываю».

Марина ответила: «И Ликино не показывай».

Анна набрала: «Конечно».

Не отправила. Фотография первой «доброжали» уже ушла Марине, пусть и без рисунка. Вместо этого написала: «Больше ничего без вопроса».

По пути к выходу она увидела в комнате ожидания забытый детский зонт. На ручке маркером было написано имя. Анна отнесла его администратору и подумала, как легко вещь перестаёт быть ничьей только потому, что хозяин ушёл.

В столбце «общий источник» для первого слова указала ролик и поставила вопросительный знак.

Для второго оставила пустую клетку.

Анна закрыла центр последней. На улице уже зажглись фонари, и в окнах первого этажа отражались плакаты с положением языка при звуках. Она дошла до остановки, вернулась и проверила, выключен ли обогреватель. Обогреватель был выключен.

В трамвае Марина прислала ещё одно сообщение: «Митя хочет знать, считается ли теперь соавтором».

Анна ответила: «Считается человеком, который записал то же слово. Про авторство пока не знаю».

Дома Лика уже сделала уроки и раскрашивала бумажную крышу. Анна поставила сумку, разогрела гречку и не рассказывала о Митиной странице до ужина. Она боялась, что дочь решит, будто ей снова не верят. Боялась и обратного: что Лика слишком быстро поймёт значение совпадения, которого Анна сама ещё не понимала.

— У Мити тоже оказался «веролад», — сказала она, когда тарелки были убраны. — Вчерашняя запись. Я сохранила дату, но мы пока не знаем источник.

Лика слушала, не рисуя.

— Твоё слово я никому не переслала.

Дочь взяла кусочек картона и написала: «Но записала».

— Да.

Анна не стала добавлять «только для себя». Это не делало запись собственностью матери.

Лика дописала на картоне: «И что теперь?»

— Пока ничего. Проверю, могли ли вы увидеть одно и то

же. И буду хранить исходные записи, а не наши пересказы.

«А если ещё?»

Анна посмотрела на пустую клетку в таблице, хотя ноутбук остался в сумке.

— Тогда сначала спрошу, можно ли вообще сравнивать.

Лика не ответила. Забрала картон и разрежала его по написанной фразе, оставив себе только половину с вопросом.

Глава 4. Чужой ребёнок

В четверг у Анны не пришли двое подряд.

Сначала мать пятилетней Вари написала, что они застряли в пробке. Через десять минут отец Ильи Орлова сообщил, что сын кашляет и они останутся дома. В расписании образовалось сорок пять минут — слишком мало для серьёзной работы и слишком много, чтобы продолжать переставлять карточки на столе.

Анна открыла папку с непослушанными сообщениями.

В ней было одиннадцать файлов. Родители записывали домашние задания вечером, в машине, на кухне и иногда прямо перед дверью кабинета. В одном сообщении гудела вытяжка. В другом старшая сестра подсказывала из-за шкафа и возмущалась, когда её просили замолчать.

Анна слушала на скорости полтора, отмечая дыхание и трудные сочетания. На четвёртой записи Илья описывал школьный опыт с фасолью.

— Она не выросла, потому что я забыл полить, — сказал он.

— Но ты же поливал, — подсказал Сергей Орлов за кадром.

— Один раз.

— Расскажи, что сказала учительница.

Илья молчал семь секунд. Анна видела счётчик на экране.

— Она сказала, что верит, что я хотел, — произнёс мальчик. — И у меня был веролад.

Анна нажала паузу.

В коридоре администратор звала следующего посетителя. За матовой дверью прошли две размытые фигуры, большая и маленькая. Анна сняла наушники, но слово осталось таким ясным, будто мальчик сидел перед ней.

Она вернула запись на десять секунд.

— И у меня был веролад.

Голос Сергея:

— Что было?

— Веролад. Когда тебе верят и можно больше не доказывать.

— Веролад, — повторил отец. — Хорошо. А теперь медленнее, пожалуйста.

Илья пересказал всё снова. Во второй раз запнулся на слове «учительница», но «веролад» произнёс свободно.

Анна посмотрела на дату файла: понедельник, 17:38.

Лика написала слово после школы в тот же день. Анна не знала точного времени. Фотографию Митиной тетради Марина сделала в 18:16.

Вне дома Анна впервые произнесла «веролад» только сейчас, повторяя запись. До этого она видела его в сообщении Марины и собственной таблице, но вслух ни с кем не обсуждала.

Она открыла свою таблицу и добавила третью строку, но

имени пока не вписала.

В дверь постучали. Сорок пять свободных минут закончились.

Следующая девочка пришла с бабушкой и принесла пакет пластиковых животных. По плану нужно было разыграть поход в магазин, но девочка решила, что слон работает кассиром, а покупать следует только зелёное. Анна трижды ловила себя на том, что смотрит на значок аудиофайла в углу экрана.

— У вас слон должен сказать цену, — напомнила бабушка.

Девочка спрятала слона под стол.

— Кассир ушёл на обед, — сказала Анна. — Кто его заменит?

Через несколько минут игра снова двигалась. Девочка продала Анне зелёную лягушку за пять воображаемых рублей и отказалась продавать крокодила, потому что тот был сотрудником охраны. Анна записала удачную длинную фразу, дала домашнее задание и только после закрытия двери вернулась к Ильиному файлу.

Ничего в коридоре не изменилось. Администратор принимала бахилы, родители снимали с детей мокрые куртки, в автомате закончилась вода. Анне хотелось, чтобы необычность третьего слова была видна хотя бы в освещении. Вместо этого нужно было закончить отчёт до следующего приёма.

Первой мыслью было, что Илья услышал слово от неё.

Анна подняла журнал занятий. Последний приём Орловых был в пятницу, за три дня до Ликиного согласия на экскурсию. Тогда они упражнялись в рассказе по картинкам: мальчик, разбитая чашка, сердитая бабушка, признание. Анна могла произнести что угодно между записями. Она помнила красную ручку Сергея и то, как Илья прятал под столом пластмассовую чашку. Собственные фразы не помнила.

В электронной карте стояло: «Не перебивать. Выдерживать паузу. Отцу не переформулировать ответ».

Слова «веролод» там не было.

Анна проверила рабочий чат. Потом личную переписку с Сергеем. Потом общую папку раздаточных материалов. Поиск не нашёл ни одной формы.

Она могла сказать слово вслух и не записать. Могла повторить Ликину выдумку коллеге в коридоре, хотя была уверена, что не повторяла. После «доброжали» уверенность в собственной памяти перестала её успокаивать.

Анна снова включила файл. До начала упражнения Сергей хлопал дверцей шкафа и спрашивал, куда поставить телефон. В углу кадра на секунду мелькнул экран настенных часов: 17:31.

Она остановила изображение и увеличила цифры. Потом сразу рассердилась на себя. Сервер центра получил файл в 17:38. Часы ничего не добавляли.

И всё же ей хотелось ещё одного подтверждения, потом

ещё одного, пока сомнение не стало бы неприличным.

Анна позвонила Сергею.

— Илья спит, — сказал он вместо приветствия. — Температуры нет, но кашель противный.

— Я по поводу задания. Можно спросить вас, не Илью?

— Конечно.

Анна положила перед собой чистый лист.

— В понедельничной записи он использовал необычное слово. Вы помните какое?

— Про фасоль?

— Да.

— Не помню. Он там половину насочинял.

— Вы могли слышать от меня какие-то новые детские слова на прошлом занятии?

Сергей помолчал.

— Это проверка, внимательно ли я вас слушаю?

— Нет.

— Тогда не помню. Вы говорили, чтобы я не договаривал. Ещё про паузы. И что не надо заставлять повторять идеально, если смысл уже понятен.

Анна записала ответы почти дословно.

— А ролики он смотрит? Игровые каналы, короткие видео?

— Конечно. Я плохой отец, но не до такой степени, чтобы знать какие.

Он засмеялся. Анна тоже, слишком коротко.

— Можно я пришлю вам название слова после разговора? Спросите Илью, где он его слышал. Только не предлагайте варианты.

— Оно что, ругательное?

— Нет. Возможно, он его придумал. Мне важно не под-
сказать ответ.

— Хорошо. А что случилось?

Анна посмотрела на пустую строку с третьим ребёнком.

— Двое других детей сказали так же.

— Из центра?

— Нет.

— Тогда это из какого-нибудь видео. Они все смотрят од-
но и то же раньше нас.

— Наверное.

Ответ Сергея принёс облегчение. Чужой отец за полми-
нуты предложил то же объяснение, к которому пришли они.
Оно оставалось самым вероятным.

Через двадцать минут Сергей прислал голосовое. Илья го-
ворил сонно и сердито:

— Я нигде не слышал. Я придумал, потому что так было.

— А что было? — спрашивал отец.

— Мне поверили.

— Кто-нибудь ещё говорил «веролад»?

— Ты сейчас.

— До меня.

— Я.

На этом запись заканчивалась.

Анна сначала сохранила голосовое, потом удалила локальную копию. Это была уже новая запись, сделанная после её подсказки, и она легко могла бы позже перепутать её с понедельничной. В таблицу внесла только содержание ответа и пометку: «опрос после раскрытия формы; не подтверждает время».

От исходного файла ей нужны были три разных времени. Когда Сергей начал запись. Когда телефон создал файл. Когда сервер центра его получил. Первое называл сам Сергей, второе хранилось в свойствах, третье — в журнале защищённой папки. Все три укладывались в семь минут понедельничного вечера. Но ни одно не отвечало, что Илья смотрел утром, слышал в школе или придумал за секунду до записи.

Анна выписала рядом две колонки: «подтверждает» и «не подтверждает».

Подтверждает: Илья сказал слово до отца; запись существовала в понедельник; Анна ещё не обсуждала форму с Орловыми.

Не подтверждает: Илья первый в городе; общего ролика нет; слово не ходило в школе; память ребёнка о происхождении точна.

Вторая колонка получилась длиннее. Это немного успокоило.

Анна не улыбнулась, хотя последний ответ был смешным.

Она попросила Сергея прислать исходный понедельничный файл через защищённую папку и отдельно спросила, можно ли сохранить копию для сравнения только с двумя семейными записями, без публикации и передачи коллегам.

Сергей ответил: «Можно. Если понадобится что-то ещё, сначала спросите».

Анна перенесла эту фразу в заметки рядом с именем Ильи.

С исходным файлом оказалось сложнее. Сергей сначала отправил запись через обычный мессенджер. Приложение уменьшило видео, переименовало его и поставило сегодняшнее время сохранения. Анна попросила не удалять оригинал с телефона и прислала ссылку на защищённую папку центра.

Через десять минут Сергей позвонил.

— Она просит войти через портал, портал просит подтвердить почту, почта присылает меня обратно на портал. Это проверка моего веролада?

— Нет. Это проверка нашей системы хранения.

Анна провела его через форму по шагам. На середине связь оборвалась. Сергей перезвонил, Илья кашлял на заднем плане и требовал не отправлять дубль, где отец заставил его повторить рассказ медленнее.

— Отправляем первый, — подтвердил Сергей. — Второй удаляю у себя после загрузки?

— Не из-за меня. Сохраните свои семейные файлы как

обычно. Я получаю право на одну копию первого.

Когда загрузка закончилась, журнал показал исходное имя и понедельничное время создания. Анна сверила длительность с серверной копией, прослушала начало и конец и удалила испорченную версию из мессенджера.

Эти действия не делали Илью первым автором. Они только позволяли через неделю не перепутать, какой файл был понедельничным, а какой создан после вопросов.

Потом вписала его в таблицу.

* * *

Дома Лика делала из цветной бумаги фасады для школьного макета. На столе лежали узкие окна, треугольные крыши и три двери, все разного размера. Анна поставила рядом тарелку с нарезанным яблоком.

— Я сегодня услышала «веролод» ещё от одного ребёнка. Ножницы остановились.

— Не от Мити. От мальчика из центра. Вы не знакомы. Лика положила ножницы.

— Я не буду включать запись. Его папа разрешил сохранить её только для сравнения.

Дочь посмотрела на Анну внимательнее, чем до этого смотрела на яблоко.

— Я хотела спросить: ты могла где-то услышать это слово? В ролике, в игре, в школе?

Ли́ка покачала головой.

— И не говорила его Мите до понедельника?

Снова нет.

— Я спрашиваю не потому, что тебе не верю. Мне нужно понять, где искать.

Ли́ка взяла прямоугольное окно, приложила к стене макета и передвинула на сантиметр влево.

Анна подождала.

— Хорошо. Больше не спрашиваю.

Она не ушла сразу. На макете было пять окон, хотя в бу-
мажной стене помещалось четыре.

— Тебе нужна ещё одна стена?

Ли́ка показала на длинную полоску картона у батареи.

Анна взяла её и приложила к основанию. Картон закрывал
двор и половину двери.

— Подрезать?

Ли́ка покачала головой, забрала полоску и согнула под
прямым углом. Получился боковой корпус. Пятое окно вста-
ло на место.

Анна хотела сказать, что поняла замысел, но на самом де-
ле поняла только после того, как дочь показала. Она молча
придержала сгиб, пока Ли́ка наносила клей.

— Про слово я никому не расскажу без твоего разреше-
ния, — сказала Анна через несколько минут.

Ли́ка посмотрела на неё снизу вверх.

— То, что уже рассказала Марине, назад не вернуть. Я

имею в виду следующие слова. Если они будут.

Дочь вытерла клей о черновую газету и написала на свободном краю: «А записывать?»

Анна посмотрела на свою таблицу, открытую на ноутбуке в соседней комнате.

— Я уже записала два.

«Можно стереть?»

Ответ «да» пришёл слишком медленно. Стереть строки означало потерять даты, а Анна уже слышала третьего ребёнка. Она могла удалить Ликины примеры и оставить только формы. Могла закрыть таблицу паролем. Могла объяснить, почему запись теперь важна.

Любое объяснение превращалось в просьбу разрешить уже сделанное.

— Можно, — сказала Анна. — Но я хочу сначала честно сказать, что тогда потеряется. Не сейчас, если ты не хочешь это обсуждать.

Лика отложила записку рядом с макетом. Не написала ни «стереть», ни «оставить».

Анна не получила разрешения. Но хотя бы перестала делать вид, что пустая клетка означает согласие.

Она вернулась на кухню. В семейном чате написала: «Если дети ещё придумают одинаковые слова, давайте пока не пересказывать их друг другу. Сохраняйте исходную запись или фотографию целиком, с датой. И сначала спрашивайте детей, можно ли прислать мне».

Денис ответил: «У нас теперь настоящее следствие?»

Анна набрала «нет», стёрла и написала: «У нас три ребёнка и два совпадения. Хочу понять, где мы сами всё перемешали».

Марина поставила знак согласия.

Денис прислал фотографию бумажной шапочки из фольги.

«Меры предосторожности приняты».

Анна рассмеялась и показала сообщение Лике. Та посмотрела, взяла со стола серебристый обресток упаковки и сложила крошечную шапку для картонного дома.

Они приклеили её на крышу.

— Для защиты от одинаковых слов? — спросила Анна.

Лика покачала головой и написала на обрестке: «От дождя приложений».

Анна вспомнила ошибочный прогноз погоды и кивнула.

— Серьёзная угроза.

Они сделали к шапочке крошечный водосток из полоски фольги. Клей не держал, и Лика прижала его деревянной прищепкой. Дом выглядел нелепо и вполне жилым.

На ужин Анна поджарила хлеб и разогрела суп. Лика принесла свою миску к столу, но ноутбук Анны занимал половину места. Таблица оставалась открытой.

Анна закрыла крышку и убрала компьютер на подоконник.

— Сегодня больше не проверяю.

Лика посмотрела на часы, будто хотела узнать срок обещания.

— До завтра, — уточнила Анна. — А завтра сначала покажу, что именно записано о тебе. Без альбома.

Дочь не согласилась. Но и не ушла с миской. Они ели рядом, а прищепка на крыше картонного дома медленно сползала вниз.

Позже, когда Лика легла, Анна снова открыла таблицу. В строке Ильи стояло серверное время. В строке Мити — время фотографии. В строке Лики было только «после школы».

Перед таблицей она открыла школьное расписание. Во вторник Лика пришла домой в 14:37: это показывал домофон. Анна включила ноутбук в 15:12. Между этими точками дочь могла придумать «доброжалъ» в любой момент — утром, в школе, по дороге или за секунду до завтрака, если считать не день произнесения, а то, когда слово возникло у неё в голове.

Для «веролада» граница была ещё шире. Анна поставила дату после разговора о согласии, но не могла доказать, что Лика не знала форму раньше.

Она убрала из строк точные часы, которые сама достроила по памяти. Оставила только то, что было зафиксировано: день и обстоятельство.

Три ребёнка не доказывали ничего большого. Они могли смотреть один канал, пользоваться одной игрой, повторять слово, которое уже ходило по классам и кухням. Москва бы-

ла огромной только на карте. Телефон умещал её в одном экране.

Анна добавила столбец «разрешение».

Напротив Ильи написала: «хранение и сравнение с двумя записями».

Напротив Мити поставила вопросительный знак.

Напротив Лики клетку оставила пустой.

Перед сном Анна вывела на отдельный лист все семь заголовков таблицы и положила рядом с Ликиной тарелкой на завтрак. Не сам файл и не просьбу о подписи — только то, что она сохраняла.

Сверху написала: «Можно зачеркнуть то, что про тебя записывать нельзя».

Утром лист вернулся с зачёркнутыми «где записано» и «кто уже знал». Столбец «слово» Лика обвела, а возле даты поставила вопросительный знак.

Это всё ещё не было разрешением хранить прежние строки. Анна перенесла пометки в заметку и оставила клетку согласия пустой. Но теперь пустота означала продолжающийся разговор, а не отсутствие вопроса.

Лист с заголовками Лика сложила в рюкзак. Анна не знала, зачем. Возможно, хотела дописать позже, возможно — просто не оставлять матери. Обе причины принадлежали Лике, и ни одну не требовалось выбирать за неё.

Глава 5. Папка совпадений

К обеду пятницы Анна получила сорок три придуманных слова.

Денис выгрузил семейный чат за два года и прогнал по нему поиск опечаток. Сергей Орлов нашёл старый телефон, на котором хранились Ильины первые голосовые задания. Марина подняла коробку со школьными тетрадями, хотя Митя утверждал, что придуманные слова надо искать не в тетрадях, а «там, где скучно и нельзя уйти».

Анна просила их об одном: не называть детям «добро-жаль» и «веролад» и не спрашивать, придумывали ли они что-то похожее. Вопрос должен был быть широким: сохранились ли любые собственные слова? Файл или фотографию можно было прислать только после согласия ребёнка.

Денис ответил: «Протокол принят».

Марина через минуту написала: «Не называй это протоколом».

Большая часть находок не требовала расследования. Митя в шесть лет написал «велосипедка» вместо велосипедной дорожки. Илья называл длинные макароны «усами супа». В чате Лебедевых сохранилось Павлово «понеделничество» — привычка назначать новую жизнь на следующий понедельник.

Анна перенесла его в отдельный файл, не связанный с таб-

лицей. Ей захотелось сразу написать Денису, что авторство принадлежит Павлу, потом она увидела дату и поняла: сообщение отправил сам Павел. Он спорил с Денисом о покупке беговой дорожки и обещал начать заниматься «сразу после окончания понеделничества».

Анна прочла соседние сообщения. Там они выбирали подарок Марине. Павел предлагал огромную чашку, Денис — сертификат, а Анна писала, что лучше спросить саму Марину. В итоге не спросили и подарили чашку.

Она закрыла чат.

Для работы Анна создала папку «исходники» и внутри три подпапки по семьям. Потом переименовала их в «Л», «О» и «С», хотя понимала, что первые буквы никого не защищают от неё самой.

Она завела четвёртую папку — «не совпало».

Туда первым попал Митин «кривошаг» с рисунком лестницы. Через пять минут Сергей прислал Ильину запись, где тот называл сломанную ступень «кривым шагом». На секунду Анна решила, что нашла ещё одну пару. Потом открыла Митин лист целиком: «кривошагом» он называл походку после долгой поездки, когда ноги ещё помнят качание вагона. Одинаковые части, разные границы.

Следом пришли две формы для слишком горячего какао. Они звучали почти одинаково, но одна оказалась семейной цитатой из мультфильма. Денис нашёл исходную серию за три минуты и торжественно потребовал закрыть дело.

Анна стала сохранять не отдельные красивые слова, а целые страницы и отрывки. Без примера совпадение формы ничего не значило. Без времени пример оставался историей, которую семья могла незаметно исправить при каждом пересказе.

К двум часам в папке «не совпало» лежало тридцать семь файлов. В «исходниках» — шесть. Таблица по-прежнему содержала две строки.

Это соотношение нравилось Анне. Оно возвращало случайность на место. Если долго перебирать детские выдумки, отдельные сходства неизбежны. Она даже посчитала, сколько разных сочетаний можно получить из слов «вера», «лад», «добро» и «жаль», но остановилась, когда поняла, что выбирает части уже после найденного результата.

В полдень Марина прислала фотографию страницы из старого Митиного блокнота. На ней был план убежища под столом: две подушки, фонарик, коробка печенья и правило «чужие секреты не спрашивать».

Под рисунком стояло: «У нас с Ликой тайноблизь».

Анна прочитала слово несколько раз. Оно не было похоже ни на «доброжаль», ни на «веролад». Рядом Митя сам написал объяснение: «Когда близко дружишь и всё равно можно не рассказывать».

«Он разрешил?» — спросила Анна.

Марина прислала короткое видео. Митя держал блокнот и говорил:

— Анне можно показать эту страницу. Только пусть не думает, что мы с Ликой поженимся. Нам тогда было по семь.

За камерой Денис спрашивал:

— А сейчас уже поздно?

— Пап, замолчи.

Анна улыбнулась и сохранила фотографию. Дата стояла в верхнем углу, за шестнадцать дней до первого появления «доброжали».

В таблицу она слово не добавила. Совпадения не было.

Она всё же записала его на бумажном стикере и приклеила к краю монитора. Не как данные — как напоминание о Мите, который хотел дружить без обязанности жениться и объяснять все секреты. Через несколько минут Анна сняла стикер. Если слово не было данными, ему не место возле таблицы. Если было, она только что решила это без согласия ребёнка.

Стикер отправился в шредер вместе с ошибочной распечаткой расписания. Фотография осталась в разрешённой подпапке.

Через час Сергей прислал аудиофайл Ильи. В задании нужно было рассказать, кем ребёнок станет, когда вырастет. Илья отказывался выбирать одну профессию.

— Все говорят про меня потом, — жаловался он. — Потом буду хорошо читать, потом стану смелый, потом буду ветеринар. Это завтролюб. Меня сегодняшнего не видят.

Сергей за кадром не подсказал ни одного слова. Наоборот,

после «завтролюба» он долго молчал, а потом спросил:

— Тебе неприятно, когда я так говорю?

— Я же сказал.

Запись была сделана за девять дней до «доброжали». Сергей приложил отдельное согласие Ильи: Анна могла прослушать файл и сравнить слово, но не давать его другим детям.

В конце согласия Илья добавил голосом:

— И папе не надо объяснять, что я на самом деле чувствовал. Я уже объяснил.

Сергей не перебил. Только сказал:

— Понял.

Анна прослушала эту секунду дважды. Не потому, что требовалось для формы, а потому, что в пятницу Сергей ещё договаривал за сына почти каждый ответ.

Анна внесла разрешение в таблицу. Само слово опять оставила вне неё.

К вечеру папка была полной, а таблица не изменилась. Два совпадения оставались двумя. «Тайноблизь» и «завтролюб» были просто хорошими детскими находками — именно так миллионы семей и создавали свои недолговечные слова.

Анна распечатала список файлов без содержания, чтобы проверить, не потеряла ли ограничения при переносе. Возле каждого стояло: кто прислал, что разрешено и когда удалить, если работа не продолжится.

У Митиной страницы срок не был указан. Анна написала Марине.

«Сколько хранить фотографию?»

Ответ пришёл от самого Мити голосом:

— Пока ты сравниваешь. Если ни с чем не совпало, удали.

И скажи, когда удалишь.

Анна поставила срок через неделю и добавила напоминание. Ильин файл оставался в папке центра по обычным правилам занятий, но отдельную рабочую копию следовало удалить после сравнения. У семейных опечаток вообще не было причины оставаться у неё.

Она потратила ещё полчаса не на поиск, а на удаление. «Велосипедка», горячее какао, три смешные оговорки Дениса и фотография бумажной короны исчезли из рабочей папки. Исходные семейные чаты остались у семей.

Когда корзина очистилась, папка перестала казаться полной. В ней было ровно столько, сколько разрешили оставить, а не всё, что Анна смогла получить.

Она записала Мите короткое подтверждение удаления ложных пар. Он ответил картинкой детектива, который бросает лупу в мусорное ведро.

Анна почувствовала облегчение и не сразу призналась себе в нём.

Если «веролод» пришёл из общего ролика, ничего не требовалось делать. Не нужно было звонить Софье, объяснять странность коллегам, снова спрашивать Лику. Можно было оставить таблицу в рабочей папке и через месяц удалить, как удаляют неудачный план занятий.

Она выключила компьютер и пошла домой раньше обычного.

На выходе администратор спросила, почему Анна уносит папку с детскими материалами на защищённый диск, если никакого проекта не открыто.

— Семьи прислали для сравнения, — ответила Анна. — Я храню только то, на что дали разрешение.

Фраза прозвучала аккуратно и почти успокаивающе. Уже в трамвае Анна вспомнила пустую клетку напротив Лики. Защищённый диск не исправлял того, что у одного из трёх детей она не спросила даже о записи формы.

Она открыла чат с дочерью и написала: «Я буду дома на сорок минут раньше. Купить клей?»

Лика прислала фотографию пустой бутылки и зелёную галочку.

Анна купила две. Это было обычное решение, которое можно было принять за другого без опасности. И всё же у кассы она на секунду подумала, не предпочла бы Лика другой клей.

* * *

В субботу Лика строила картонный дом на кухне.

Дом получился выше чайника и занимал половину стола. На крыше всё ещё держалась серебристая шапочка. Лика оклеивала стены серой бумагой, а Анна резала прозрачную

упаковку для окон.

— Если сделать одну стену съёмной, внутри можно будет менять комнаты, — предложила Анна.

Лика показала на основание: там уже были прорезаны два паза.

— Хорошо придумано.

Дочь подняла брови.

— Не как специалист, — сказала Анна. — Просто хорошо.

Лика протянула ей линейку. Они работали почти час. Анна несколько раз ошиблась с размером, и Лика складывала негодные окна в отдельную кучку, не комментируя. Когда закончился клей, она ушла в комнату за новым.

На её стуле остался синий альбом.

Он лежал раскрытым. Анна увидела только край страницы и слово, написанное возле рисунка закрытой коробки: «тайноблизь».

Сначала она не прикоснулась.

Слово могло оказаться тем же лишь на расстоянии. Анна наклонилась и прочла полностью. На рисунке две девочки сидели по разные стороны коробки. Одна держала ключ, другая не тянулась за ним. Подпись объясняла: «Если мне не надо знать всё, это не значит, что мы не друзья».

В нижнем углу стояла дата.

На день раньше Митиной.

Анна выпрямилась. Из комнаты донёсся стук ящика. Ли-

ка искала клей.

Можно было закрыть альбом и спросить. Можно было дождаться её возвращения, показать сообщение Марины и попросить разрешения сравнить одну страницу.

Анна перевернула лист.

На следующем был другой рисунок, потом комикс про дом с глазами, потом список названий для цветов, которых не существовало. Даты шли не по порядку: Лика начинала страницу, бросала и возвращалась через несколько дней.

Анна искала «завтролюб».

Она нашла его через восемь листов. Девочка в слишком большой школьной форме стояла перед рядом взрослых. Каждый держал табличку: «Когда научишься», «Когда вырастешь», «Когда перестанешь бояться». Рядом сидела маленькая девочка без таблички.

«Завтролюб — когда любят тебя потом больше, чем тебя сейчас».

Дата была на день раньше записи Ильи.

У Анны похолодели пальцы.

Она вернулась к началу альбома. Теперь не искала одно слово — читала все подписи. Нашла «веролад» на промокшем листе, вклеенном между страницами. Нашла «доброжалъ» рядом с первоначальным рисунком люка. Внизу стояли даты, которые она уже знала.

Четыре слова.

Четыре раза Лика записывала их раньше остальных.

Четыре раза разница составляла один день.

— Что ты делаешь?

Анна обернулась.

Ли́ка стояла в дверях с бутылкой клея. Она не смотрела на мать. Смотрела на альбом.

— Я увидела слово на открытой странице.

Ли́ка подошла и забрала альбом.

— Подожди. Марина прислала старую запись Мити. У него то же слово. И у Ильи есть другое — «завтролюб». Они появились после твоих рисунков. На следующий день.

Ли́ка прижала альбом к груди.

— Ты ставила даты тогда, когда рисовала?

Дочь смотрела молча.

— Я не обвиняю. Мне нужно понять, можно ли им верить.

Ли́ка положила клей на стол, взяла обрезок серой бумаги и написала: «У чужого папы ты спросила».

— Да.

Анна хотела сказать, что альбом лежал открытым. Что она увидела слово случайно. Что если бы позвала Ли́ку, та могла закрыть страницу и тогда они потеряли бы важную улику.

Все три объяснения были правдой. Ни одно не отвечало на записку.

— У тебя я не спросила.

Ли́ка перевернула бумагу и написала с другой стороны: «Потому что я бы сказала нет».

Анна посмотрела на картонный дом. Одно прозрачное ок-

но уже было приклеено, второе лежало рядом. Сквозь него можно было увидеть пустую комнату целиком.

— Наверное, — сказала она.

Ли́ка ушла с альбомом. Через минуту хлопнула дверца шкафа в её комнате. Потом задвинулся нижний ящик кровати.

Анна осталась у стола. Она закончила вырезать окно, хотя оно больше не было нужно. Линия вышла кривой. Прозрачный пластик треснул у угла.

Она постучала в дверь Ли́ки.

— Я не буду просить показать снова. Хочу сказать, что не должна была листать.

За дверью ничего не ответило.

— Можно оставить тебе ужин на кухне?

Тишина.

Анна постояла ещё немного и почувствовала знакомое желание превратить молчание в задачу. Предложить два варианта запиской. Спросить, слышала ли Ли́ка. Попросить хотя бы кивнуть, если поняла.

Она вернулась на кухню.

Дом занимал половину стола. Без второй прозрачной стены он выглядел не незаконченным, а открытым. Анна убрала нож, обрезки и лишнюю бутылку клея. Ту, которую Ли́ка уже открыла, оставила на месте.

Приготовила макароны и разделила их на две тарелки. Свою съела у окна. Ли́кину накрыла перевернутой миской,

чтобы не остывала. Через двадцать минут дверь комнаты открылась. Лика пришла, молча забрала тарелку и унесла к себе.

Анна не сказала, что есть в комнате нельзя. После смерти Павла это правило то исчезало, то возвращалось в зависимости от того, насколько ей самой хотелось порядка.

Позже тарелка появилась в раковине, вымытая и поставленная боком. Это не было прощением. Анна заставила себя не делать из неё знак.

* * *

Вечером Анна открыла таблицу.

Добавила «тайноблизь» и «завтролюб». В строках Лики указала только даты, без фотографий и без описаний рисунков. В столбце «источник» написала: «личный альбом; дата не подтверждена».

Рядом создала новый столбец: «разница».

У каждого из четырёх слов поставила: «1 день».

Она попробовала изменить порядок строк. Сначала по алфавиту, потом по дате чужого употребления, потом по надёжности источника. Четыре единицы оставались рядом. От перестановки рисунок не исчезал.

Анна выделила столбец жёлтым, сразу сняла заливку, потом снова выделила. Жёлтый превращал рабочую таблицу в доказательство для презентации, которой не существовало.

Она оставила обычный белый фон.

Она знала, насколько красиво выглядел столбец. Слишком красиво. Четыре случая можно было подобрать, даты — дописать, значения — уточнить после чужих слов. Альбом не лежал в запечатанном архиве. Никто, кроме Лики, не видел страницы в день создания.

Даже если дочь не обманывала, Анна уже изменила материал своим вопросом. Теперь Лика знала, что мать ищет опережение.

Она попыталась восстановить даты без альбома. Для «доброжали» было утро вторника, потому что сохранилось сообщение Марине. Для «веролада» — понедельник после школы, записанный в блокноте. Два старых слова Анна увидела только сегодня. Их даты существовали лишь в памяти о чужой странице, которую ей не разрешали читать.

Анна могла позвать Марину и пересказать цифры. Два взрослых воспоминания всё равно не превратились бы в независимый документ. Могла попросить Лику сфотографировать страницы самой. После случившегося такая просьба звучала бы как продолжение нарушения в более вежливой форме.

Она открыла пустое письмо Софье. В строке темы написала: «Странная последовательность детских слов». Потом закрыла черновик, не сохраняя.

Сначала нужно было получить хотя бы одну будущую запись честно.

В чат написала Марина: «Нашлось что-нибудь?»

Анна ответила: «Нашлось. Но это не моё, чтобы пересылать».

Марина долго печатала.

«Ликино?»

«Да».

«Она разрешила тебе смотреть?»

Анна не стала искать мягкую формулировку.

«Нет».

Ответ пришёл не сразу: «Тогда сначала разберись с этим».

Анна закрыла чат. На экране осталась таблица с четырьмя одинаковыми интервалами.

Она создала копию, защищённую паролем, и убрала её из общей рабочей папки. Исходные файлы Мити и Ильи оставила там, где разрешили их хранить. Ликиных страниц у неё не было.

Папка совпадений существовала только на её компьютере.

А единственный документ, в котором все даты стояли рядом, теперь был спрятан от неё под детской кроватью.

Анна закрыла ноутбук и легла, не дожидаясь, пока Лика выключит свет. Через стену ещё долго шелестели страницы.

Раньше этот звук успокаивал: дочь рисует, значит, поне-много возвращается к прежней себе. Теперь Анна слышала другое. Лика продолжала что-то своё, и не всё происходящее за стеной было предназначено матери.

Она поставила будильник на обычное время и убрала те-

лефон подальше от кровати. Таблица могла подождать до утра. Альбом всё равно оставался недоступен, а четыре единицы не становились надёжнее от ночного взгляда.

Когда свет в комнате Лики погас, Анна не пошла проверить, уснула ли дочь. Впервые за вечер ничего не использовала как повод открыть дверь.

Ночью она всё-таки проснулась и увидела полоску света в коридоре. Дверь Лики оставалась закрытой, свет горел на кухне. На столе лежал картонный дом, теперь без прозрачных окон. Лика сняла уже приклеенную стену и сложила детали рядом.

Анна не стала решать, уничтожен макет или переделывается. Выключила свет и вернулась в постель.

Утром детали исчезли со стола. В мусорном ведре их не было. Значит, Лика унесла их к себе. Это был единственный факт, который Анна позволила себе записать в памяти без продолжения.

Глава 6. Конверт

В понедельник утром Анна положила на стол записку.

«Я открыла твой альбом без разрешения. Это было неправильно. Я не буду просить его снова».

Она не добавила, что нашла важные даты. Не написала, что испугалась потерять возможность. Не объяснила, что любящая мать на её месте захотела бы проверить.

Лика прочла записку за завтраком и положила рядом с тарелкой.

Анна дождалась, пока дочь доест.

— Мне нужна помощь с одной новой проверкой. Не с альбомом.

Лика сразу покачала головой.

— Хорошо.

Анна убрала приготовленный конверт в ящик. Он был плотный, коричневый, без окна. Она купила три разных, чтобы Лика могла выбрать, и теперь была рада, что не успела разложить их на столе как варианты правильного ответа.

Они собрались в школу молча. У двери Лика сама поправила перекрутившийся шарф. Анна проводила её до подъезда и не вернулась к разговору.

В центре Анна трижды открывала ящик рабочего стола, хотя конверт оставался дома. В ящике лежали скрепки, запасной зарядный провод и пачка карточек с предметами на

букву «р». Каждый раз она закрывала его и возвращалась к занятиям.

После обеда позвонила Марина.

— Она отказала?

— Да.

— И что теперь?

— Ничего.

Марина помолчала.

— Ты очень убедительно говоришь «ничего» голосом человека, который делает двадцать вещей.

Анна посмотрела на открытую таблицу. Она уже составила список возможных способов запечатать лист, хотя Лика не согласилась писать.

— Закрою файл, — сказала она.

И закрыла. До конца смены таблицу больше не открывала.

По дороге из школы Лика остановилась у канцелярского киоска. Долго смотрела на витрину с конвертами, потом пошла дальше. Анна не спросила, нужен ли ей один. Дома дочь сделала математику, поела яблоко и закрылась у себя.

Анна приготовила ужин без ноутбука на кухне. Когда услышала шаги, не стала поворачиваться слишком быстро.

Вечером коричневый конверт лежал на кухонном столе.

Рядом Лика оставила лист с условиями:

«Один раз. Ты не смотришь. Хранит тётя Марина. Открыть, если кто-то сам скажет слово. Потом конверт мой».

Ниже было дописано: «Если никто не скажет — через три

дня отдать закрытым».

Анна перечитала дважды.

— Я согласна.

Лика вышла из комнаты с синим альбомом под мышкой, но на стол его не положила. Взяла чистый лист, закрылась у себя и вернулась через десять минут. Лист был сложен пополам.

— Нужно значение, — сказала Анна и тут же замолчала.

Лика показала три пальца.

— Три примера?

Кивнула.

Она сама вложила лист в конверт, провела клеевой полосой по краю и прижала клапан. Потом написала поперёк шва своё имя и дату. Анне протянула маркер.

— Мне тоже расписаться?

Лика кивнула.

Анна поставила подпись так, чтобы линия проходила с клапана на конверт. Лика сфотографировала обе стороны на свой планшет. После этого написала Марине: «Можно у тебя полежит три дня?»

Марина ответила: «Можно. Я не открываю и никому не показываю?»

«Да».

Они отнесли конверт вечером. Марина убрала его в жестяную коробку из-под чая и поставила на верхнюю полку кухни. Дениса дома не было. Лика проверила, закрывается

ли крышка, и сфотографировала коробку тоже.

— Мне подписать коробку? — спросила Марина.

Лика несколько секунд смотрела на коробку, затем написала на стикере: «Не открывать до меня». Приклеила на крышку так, что край заходил на стенку.

Марина сфотографировала стикер своим телефоном и показала снимок Лике.

— Если Денис спросит, скажу, что там плохой чай.

— Он полезет проверить, — сказала Анна.

— Верно. Скажу, что там документы из аптеки. От документов он держится дальше, чем от плохого чая.

Лика написала: «Можно сказать, что моё».

Марина прочла и кивнула.

— Так и скажу.

— Мне пароль поставить на кухню? — спросила Марина.

Лика впервые за два дня улыбнулась.

— Не шути, — сказала Анна.

— Я не тебе.

Это прозвучало мягко, но Анна всё равно услышала границу.

На обратном пути они зашли за хлебом. Лика выбрала батон с семечками, который обычно не ела. Анна уже хотела напомнить, что дома есть половина обычного, но положила выбранный хлеб в корзину. У кассы Лика сама достала мелочь из кармана и добавила к покупке маленький ластик в форме лимона.

О конверте они больше не говорили. Впервые важная записка существовала вне Анниной квартиры и вне её знания. Это должно было успокаивать. На деле Анна всё время представляла жестяную коробку и то, как легко Марина могла поднять крышку.

Она знала Марину больше десяти лет и доверяла ей. Именно поэтому Лика выбрала хранителя не из специалистов.

* * *

На следующий день Полина Зуева пришла в центр с красной папкой и матерью, которая всё время смотрела на часы.

Полине было десять. Она занималась у Анны из-за слишком быстрой речи: начала фразы проглатывали окончания предыдущих, и слушатели часто просили повторить. Домашнее задание было простым — медленно рассказать о случае, когда класс поступил несправедливо.

Ольга Зуева прислала записку утром, но Анна не успела её открыть. Теперь они слушали вместе.

На экране Полина сидела на подоконнике и рассказывала, как одноклассницу исключили из школьного номера за опоздание на репетицию.

— Она опоздала, потому что была у врача, — говорила девочка. — Все знали. Но руководительница сказала, что правило для всех. И когда Леру убрали, некоторые радовались,

потому что теперь у них больше места. Это правожуть.

Анна остановила видео.

В кабинете стало слышно, как щёлкают настенные часы.

— Почему выключили? — спросила Полина.

— Я хочу понять слово. «Правожуть»?

— Да.

— Ты его где-то слышала?

Полина пожала плечами.

— Нет. Там всем было жутко приятно, потому что они типа правы.

Ольга перестала смотреть на часы.

— Это она вчера придумала, — сказала мать. — Я ещё попросила заменить нормальным словом, но она упёрлась.

— Во сколько вы записывали?

— После ужина. А что?

Анна увидела собственное отражение в зеркале для артикуляционных упражнений. Она знала, что лежит в конверте, хотя не знала слова. Вернее, надеялась, что знает.

— У меня есть запечатанная запись другого ребёнка, сделанная вчера. Возможно, там та же форма. Можно сохранить ваш исходный файл и сравнить только с этой записью? Без публикации и без имени Полины.

— А если совпадёт? — спросила Ольга.

— Тогда я попрошу помощи у специалиста, который умеет проверять распространение слов. Вам отдельно объясню, если понадобится что-то ещё.

Полина перебила:

— Это моё слово или того ребёнка?

— Пока ваше обоих.

— Так не бывает.

— Я тоже так думала.

Полина посмотрела на мать.

— Если оно моё, я могу запретить сравнивать?

— Можешь, — сказала Анна.

Ольга вздохнула и наконец убрала телефон в сумку.

— Но тогда мы не узнаем, совпало или нет.

— Это будет следствием отказа, — сказала Анна. — Не наказанием.

— А другой ребёнок узнает моё имя?

— Нет. Я включу только фразу со словом и объяснение. Без лица, школы и имени одноклассницы. Если этого мало, сравнение не состоится.

Полина попросила показать точный отрывок. Анна поставила начало за две секунды до «правожути», конец — после объяснения, и выключила изображение. Полина прослушала, велела добавить ещё одну фразу про врача, потом передумала: имя Леры могло прозвучать.

— Пусть как есть, — решила она. — Но вы мне скажете, какое там было слово, даже если другое.

Анна вписала условие обратной связи в форму. Ольга прочла её вслух, Полина поправила слово «участник» на «я» и только после этого обе подтвердили.

Ольга прочитала короткое согласие на экране и спросила дочь. Полина разрешила сравнить запись, но потребовала сообщить результат. Анна добавила это условие отдельной строкой.

Занятие продолжилось. Полина пересказала историю медленнее, не заменив «правожуть». Анна не исправляла её. В конце девочка спросила:

— Уже можно открывать?

— Не мне решать.

Анна написала Лике: «Другой ребёнок сам сказал новое слово. Можно открыть конверт у Марины?»

Ответа не было до конца смены.

Оставалось два занятия. На первом мальчик никак не мог выбрать между карточкой с поездом и карточкой с самолётом, потому что хотел рассказывать про корабль. Анна нашла корабль в соседнем наборе и не заметила, как занятие закончилось. На втором мама девочки попросила «быстренько проверить все звуки», хотя до закрытия центра было семь минут.

Анна не проверяла телефон при детях. В перерывах экран оставался пустым.

В 18:40 Ольга написала: «Полина спрашивает, открыли ли». Анна ответила: «Жду решения владельца конверта». Слово «владелец» показалось слишком официальным, но точным.

Она могла позвонить Лике. Могла написать второй раз

и уточнить, что срок конверта истекает послезавтра. Могла попросить Марину показать коробку по видеосвязи. Всё это было бы объяснимо и всё равно превращало ожидание в давление.

Анна закончила отчёты, вымыла две кружки в служебной раковине и выключила компьютер.

Потом пришло одно: «Вместе».

* * *

В квартире Лебедевых конверт лежал на столе между тремя чашками.

Лика сравнила подписи с фотографией на планшете. Марина показала закрытую коробку и сказала, что не доставала конверт до их прихода. Анна включила запись Полины только с того места, на которое было разрешение. Имени одноклассницы в отрывке не было.

— Это правожуть, — произнесла девочка с экрана.

Лика не изменилась в лице. Взяла ножницы и разрежала короткую сторону конверта, не нарушая подписанный клапан.

Внутри лежал сложенный лист.

Первой строкой было написано: «ПРАВОЖУТЬ».

Ниже три рисунка. На одном дети смеялись над мальчиком у доски, потому что он нарушил правило. На втором толпа смотрела, как судья отнимает у бегуни медаль. На тре-

тьем девочку не пускали в общий круг, а над кругом висела табличка «Мы справедливые».

Под ними Лика написала: «Когда чужая боль нравится, потому что все решили, что так правильно».

Марина села.

— Это одно и то же, — сказала она.

Анна проверила дату. День 15. Запись Полины была создана в день 16, в 19:11, и получена сервером сегодня утром.

— Форма та же, — сказала Анна. — Значение тоже.

Лика забрала лист и конверт.

— Ты знала, что кто-то скажет это завтра? — спросила Марина.

Лика пожала плечами.

Анна увидела, как Марина собирается уточнить, и показала головой.

— Мы проверяли запись, а не объяснение, — сказала она.

Лика посмотрела на неё и убрала лист в карман.

Марина достала стикер с коробки и протянула Лике вместе с фотографией на экране.

— Я один раз передвинула коробку, когда доставала чай. Не открывала. Денис спросил, я сказала, что твоё.

Лика проверила край стикера. Он порвался в том месте, где Марина сняла крышку коробки целиком, но сам конверт оставался подписанным и неповреждённым.

— Коробка была лишней проверкой, — сказала Анна. — Важен конверт.

Лика написала на обороте стикера: «Коробка была моя проверка».

Анна кивнула.

— Тогда она тоже прошла.

Марина поставила перед ними пирожные, купленные без повода. Никто не шутил про семейный стартап. Лика выбрала маленькую корзинку с ягодами и съела сначала все ягоды, оставив тесто. Анна не предложила доесть остальное.

По дороге домой Анна позвонила Полине и Ольге. Сказала только, что форма и примеры совпали. Полина сначала обрадовалась, потом спросила, кто придумал первым.

— Запись другого ребёнка сделана раньше, — ответила Анна. — Но это не значит, что ты услышала слово от неё.

— Значит, у слова две хозяйки.

— Пока так.

— А пользоваться всем можно?

Анна посмотрела на Лику. Та шла рядом и слышала только Аннины реплики, не голос Полины в наушнике.

— Слово уже сказано вами обеими. Я не могу запретить тебе его говорить. Но запись и чужие примеры остаются не общими.

— Я скажу в классе, — решила Полина. — Потому что они опять делают вид, что всё было справедливо.

Ольга попросила дать ей телефон.

— Мы сначала поговорим, кого это касается, — сказала она Анне. — Результат получили, спасибо.

После звонка Лика подняла вопросительно брови.

— Полина хочет пользоваться словом, — сказала Анна.

— Это её решение. Твой рисунок я не показывала.

Лика коснулась кармана, где лежал лист, и кивнула.

После звонка Анна открыла таблицу и внесла пятую форму. Теперь у неё был не старый альбом, а заранее запечатанный лист. Не воспоминание, а две независимые записи. Ровно один день.

Она могла повторить опыт завтра. Попросить Лику о втором конверте, дождаться очередного задания, выбрать подходящий файл.

Именно это её остановило.

Анна знала формы из прошлых случаев. Она выбирала, какие сообщения считать похожими. Она задавала вопросы родителям. Она была матерью ребёнка, составляла таблицу и решала, когда совпадение достаточно хорошее.

Следующий конверт проверил бы не только Лику. Он снова проверил бы способность Анны убедить себя.

Она нашла в контактах Софью Мельникову. Они не созванивались почти три месяца; переписывались о днях рождения и дважды переносили встречу.

Анна написала: «Мне нужно, чтобы ты разрушила очень красивый результат».

Софья ответила через минуту:

«Не присылай результат. Сначала напиши, что именно ты делала».

Анна открыла пустой документ.

Первой строкой хотела написать: «Ребёнок знает слова на день раньше». Удалила. Это был вывод, а Софья просила процедуру.

Она начала заново: кто предложил конверт, кто выбрал хранителя, когда поставили подписи, что считалось условием открытия, откуда пришёл внешний файл, кто видел каждую форму. На середине поняла, что не записала точное время передачи конверта Марине. В семейном чате сохранилась фотография коробки, отправленная Ликой в 20:14. Это было верхней границей, не временем создания листа.

Через час документ занимал три страницы и выглядел гораздо слабее одной красивой строки таблицы.

Анна отправила его Софье без форм, рисунков и результата.

Ответ пришёл ближе к полуночи:

«Хорошо. Теперь перечисли все моменты, когда ты могла выбрать удобный случай».

Анна посмотрела на закрытую дверь Ликиной комнаты и начала четвёртую страницу.

Дверь открылась раньше, чем она закончила. Лика вышла за водой, увидела ноутбук и остановилась.

— Я написала Софье, — сказала Анна. — Это специалист по тому, как слова распространяются между людьми. Я не отправила ей твоё слово, рисунки или результат. Только описала, что мы делали.

Лика подошла ближе, но не заглядывала в экран.

— Хочешь посмотреть письмо?

Кивок.

Анна развернула ноутбук. Лика читала медленно, задерживаясь на каждом месте, где была названа «девочкой А». Возле фразы «мать участницы предложила конверт после предыдущего нарушения» она взяла мышь и выделила слово «участницы».

— Не нравится?

Лика напечатала в комментарии: «Я не участница. Я согласилась на конверт».

Анна исправила: «Лика согласилась на одну запечатанную запись».

Дочь прочла снова и кивнула.

— Софья просит найти, где я могла выбрать удобный ответ. Я допишу и отправлю. После этого она, наверное, предложит другую проверку. Ты ничего ей не должна.

Лика показала на слово «результат».

— Она пока не знает, совпало ли. Я скажу только после того, как мы решим вместе, что ей можно получить.

Лика достала из кармана сложенный лист с «правожутью», положила рядом с конвертом и унесла оба в комнату. Через минуту вернулась со своей пустой кружкой.

— Ещё один конверт я просить не буду, — сказала Анна.

Дочь налила воду. Не поблагодарила и не улыбнулась. Но перед уходом закрыла ноутбук Анны, оставив четвёртую

страницу незаконченной.

Анна не открыла его снова до утра.

Утром она нашла рядом с ноутбуком коричневый конверт. Разрезанная сторона была заклеена обычной бумажной полоской, поверх которой Лика написала: «Закончено».

Анна не спрашивала, означало ли это конец одной проверки или всех разговоров о словах. Положила конверт возле синих школьных бумаг и приготовила завтрак.

Софье она ответила только после того, как Лика ушла: «Список точек отбора пришлю вечером. Результат и формы пока закрыты».

«Принято», — написала Софья.

Так первая домашняя проверка закончилась не открытием, а двумя границами: один конверт больше не использовался, один специалист ещё не получил красивого ответа.

На холодильнике оставались школьные слова и расписание экскурсии. Анна прикрепила рядом записку Полине: сообщить результат выполнено. Ни «правожути», ни даты на общей доске не появилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.